

А. С. Шишкин, д-р биол. наук

shishikin@ksc.krasn.ru (ИЛ СО РАН, г. Красноярск, Россия)

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО НА РЕДКИЕ ВИДЫ?

Факты. В Канаде официально продается 200 лицензий на белого медведя по 50 тыс. евро, т. е. ежегодный доход составляет 600 млн руб. В Монголии ежегодно реализуется 40 лицензий на аргали с начальной стоимостью на конкурсе 20 тыс. и конечной ценой 40–60 тыс. долларов США. Принимая среднюю цену 50 тыс., получаем 112 млн руб. Доход от реализации лицензий делится на три части: владельцу хозяйства, местному аймаку и министерству Монголии. В обеих странах очередь на получение лицензии составляет 2–3 года, т. е. спрос есть, несмотря на затраты, к которым следует добавить сопутствующие расходы на проведение охотничьего тура.

Экспертная оценка. На Таймыре ежегодно нелегально отстреливается более 10 белых медведей, в горах Путорана примерно столько же баранов (15–20 особей). Естественно, официальной статистики нет, как и учетных данных. Периодически в СМИ проникает информация об охоте «имущих» на редкие виды, когда она заканчивается трагедией. Если принять такие случаи 1:5, то масштабы добычи редких видов, запрещенных к отстрелу, должны обосновывать принятие других способов их охраны.

Редкий или не редкий. Вопрос скорее риторический, как и само наполнение видами Красной книги. К сожалению, включение по чьей-то инициативе в список редких видов, не сопровождается необходимым экологическим вниманием и исследованиями, поскольку не требует оценки емкости местообитаний и расчета нормы добычи. Поэтому невозможно оценить соответствие современной численности редких видов, выявление местообитаний и их емкости, а также возможной плотности населения. Не определяется количество особей, превышающих емкость среды и являющихся «лишними», которые могут реализовываться для трофейной охоты. Отсутствие экологических знаний не позволяет оценить эффективность охраны редких видов. Например, в Алтае-Саянском регионе длительное время исследуют снежного барса, но никто не берется оценить емкость его местообитаний и определить потенциальную численность, поскольку это сложная интеллектуальная задача. Получается парадокс, охотничьим видам уделяется больше внимания, чем редким. Ситуация понятна, если принять во внимание современную коммерциализацию общества. Бизнесу это не нужно, поскольку нет дохода, а у государства нет фи-

нансовых возможностей (желания) заниматься видами, которые вроде и так защищены законодательными актами. Поэтому нелегальная добыча редких объясняется демонстрацией вседозволенности высоких чиновников или «олигархов» и престижна в определенных кругах.

Примеры. В Путоранском заповеднике охраняемое стадо путоранского барана составляет около 800 особей. Это около 80 семейных групп и 8–10 старых трофейных баранов. При стоимости одного 50 тыс. USD, доход от продажи лицензий составляет 24 млн руб. Расходы на мониторинг барана: транспорт (20 вертолетных часов по 150 тыс./час) 3 млн руб. и прочие расходы (зарплата, командировочные, оборудование) 2 млн руб. Легальный отстрел проводится в охранной зоне заповедника. Доход и польза от организации трофейной охоты вроде очевидны.

В Красноярском крае по инициативе бывшего директора Саяно-Шушенского заповедника А. Г. Рассолова в 2013 г. сибирского козерога перевели в охотничьи виды. Одно из основных обоснований – возможность организации трофейной, по сути селекционной, охоты на старых самцов. Однако по действующему законодательству 2/3 квоты выдается на молодых и самок козерога, как на обычный копытный вид, отстреливаемый на мясо и соответственно по низкой цене лицензии (300 руб.). При этом трофей превышает 2,2 тыс. USD, разница опять же достается организаторам охоты, но не государству. К сожалению, «монгольский» вариант распределения доходов от трофейной охоты в России почему-то не приживается. В результате изначально правильное охотоведческое обоснование извращено до неприемлемости и доведено до справедливого требования вернуть вид в редкие и запретить на него охоту.

К сожалению, обоснованная легальная трофейная охота в России на виды, занесенные в Красную книгу, не получает развития по двум причинам. Сопrotивление научной общественности, которая почему-то решила, что запрет лучше селекционной добычи трофейных особей, доход от которой позволяет мониторить и охранять популяцию редкого вида. Они правы, опасаясь, что средства, получаемые от такой охоты, не будут направлены на охрану редкого вида. Для этого необходима организация специального фонда, который может принимать не только сборы за лицензии, но и добровольные пожертвования. Второе препятствие – потеря эксклюзивного права «имущих мира» на добычу редких видов, трофейная охота на которых легализуется. В такой ситуации возникает официальное соперничество среди желающих добыть редкий вид. Появляется возможность открытой процеду-

ры оформления, добычи, хранения и выставления трофея, привлечение иностранных охотников.

Таким образом, нам представляется, что вопрос о трофейной охоте в России на редкие виды требует профессионального обсуждения. В современных экономических условиях есть все предпосылки, чтобы за счет высокооплачиваемой избирательной добычи особей, не представляющих ценности, наблюдать и охранять всю популяцию редкого вида.